

Моск. комсомолец - 1993. - 29 мая - с. 3

Казалось бы, какое дело «МК» до сталиниста Михаила Шолохова, в массовом сознании представляющего (и не без основания) столпом рухнувшей системы, классиком соцреализма, гонителем диссидентов. Однако на примере с Шолоховым видишь, что вместе с грязной водой пытаются выплеснуть ребенка, а именно — авторство писателя на роман «Тихий Дон». Но много ли в русской литературе таких романов? Не случайно Александр Солженицын вопрос об авторстве «Тихого Дона» считает литературоведческой проблемой века. Именно он покати на Михаила Шолохова бочку, которая чуть было его не раздавила.

Но, кажется, Александр Исаевич и его сторонники в данном случае глубоко заблуждаются...

ГАЗЕТА «Московский комсомолец» была воротами юного Шолохова и в журналистику, и в литературу.

На рабфак Московского университета его не допустили без путевки комсомола: он не состоял никогда в этом союзе, не имел стажа работы у станка. Эти важные обстоятельства для приемной комиссии ничего не значили для редакции. В сентябре 1923 года «Юношеская правда» (так называлась тогда наша газета) напечатала фельетон «Испытание». Спустя месяц появился юмористический рассказ. Затем в апреле 1924 года еще один фельетон, разбором в подвал. Обратите внимание — публикации 18-летнего корреспондента с четырехклассным образованием сразу выглядели представительно. Не заметка, фельетон!

Наконец, в декабре 1924 года на страницах «Молодого ленинца» (это второе название газеты) появился первый рассказ «Родинка».

Именно с него во всех собраниях сочинений начинаются «Донские рассказы». Далее, весной того же года на страницы «МК» обрушился звездопад шолоховских образов: пошла публикация повести «Путь-дороженька» в несколько печатных листов, за ней вышел известный по экранизации рассказ «Нахаленок».

Сколько тогда было автору «Нахаленка»? В двадцать лет рассказы и повести у него шли косяком, за два года он их сочинил около тридцати! Поэтому ничего удивительного, что, имея такой литературный опыт, он в 1925 году сел за роман, названный «Тихий Дон».

Бесспорный факт: природа наделила этого донца гениальностью, и она позволила без образования работать в журналистике, литературе, почти сразу посягнуть на роман.

ПРЕЖДЕ чем продолжить рассказ о «Тихом Доне», мне бы хотелось объяснить, почему я, журналист, автор книг о Москве, вдруг занялся шолоховедением.

Одна причина, между прочим, связана с «Московским комсомольцем». Я прочел в этой газете телеграмму, которую редакция в 1983 году дала в Венскую по случаю шестидесятилетия первой публикации. И подумал, хорошо бы рассказать о московском прошлом Шолохова, а то все — Дон да Дон...

С Арбата я начал поиск в 1982 году... К тому времени Шолохов успел сменить в Москве несколько квартир, последний его адрес — в Кунцеве, в доме ЦК партии...

Я пошел по московским следам Шолохова как краевед. Поставил, однако, две задачи. Минимум — рассказать о его связях с Москвой, обычно пишут о донских адресах и друзьях. Максимум — решить проблему, о которой тогда говорили только глухие зарубежные радиоголоса...

Шолохов еще жил. Обратился к нему с несколькими вопросами: где обитал в Москве в 1914—1916 годах, когда учился в гимназии имени Г. Шелапутина? У кого поселился, когда вернулся в Москву после гражданской войны? Через дочь писателя вопросы попали в Венскую, и довольно скоро пришли мне короткие, но исчерпывающие ответы. Оказалось, жил гимназист Миша Шолохов «на Плющихе, в Долгом переулке». За эту ниточку и потянулся клубок всей прочей информации.

Ведя свое «частное расследование», я стремился найти москвичей, знавших писателя в 25-м году, как этого свидетеля преступления. Плагат — это воровство, если оно было, значит, где-то должны быть свидетели, вещественные доказательства, место происхождения — и так далее.

Выяснилось, причем довольно быстро, в Москве хранится по разным адресам у разных людей большой шолоховский архив. В нем я и нашел ответы на «загадки «Тихого Дона», которые заданы литературоведению Александром Солженицыным. В

этих архивах есть и письма, и фотографии, и телеграммы, и дневники, а главное, сотни страниц рукописи романа, которые считались сгоревшими в огне войны.

«Тихий Дон» в 1928 году произвел на читателей ошеломляющее впечатление, самая пристрастная критика оценила по достоинству это сочинение, поставив его в один ряд с «Войной и миром» Льва Толстого. Представляете — в 23 года стать за спиной Льва Николаевича...

Вот тут-то и началось брожение в умах литераторов, замутился, забурился «Тихий Дон». Кто такой Шолохов? Откуда взялся? Где учился? У Шолохова в Москве был свой круг общения, друзья, товарищи. Кроме своей газеты он обитал в «Журнале крестьянской молодежи». Его знакомыми были Кудашев, Тришин, Шубин, Молчанов, Ряховский, Величко, писатели юные, мало кому тогда известные.

Секрет раннего возмужания — в биографии. Он начал жить самостоятельно в 15 лет! На его глазах свершилась трагедия казачества на Дону, шли кровавые бои, будущий романист узнал на своей шкуре, что такое классовая борьба, гражданская война.

У Шолохова, это тоже факт, гениальная память. Она позволяла ему обо-

даться без записных книжек, читать наизусть главы «Войны и мира», стихи Ивана Бунина. Юный автор, как ни странно, разбирался в догмах марксизма. Один из докторов наук рассказал мне, как случайно в молодости, встретившись с юным Шолоховым, он услышал от него лекцию о сочинениях Ленина. С цитатами наизусть. Священник в станице называл Шолохова «хитроумным Одиссеем».

Когда образуется информационный вакуум, то эта пустота немедленно заполняется... вымыслами. По редакциям полз слух, что роман написал «белый офицер», живущий в эмиграции, что по редакциям ходит его старушка-мать и просит выдать гонорар, причитающийся сыну...

Пришлось срочно обескураженному Шолохову, взяв в руки папки с рукописями, ехать в Москву, в Российскую ассоциацию пролетарских писателей — РАПП, членом которой состоял, чтобы там разобрались в этой легенде и опровергли ее. Рукопись попала Александру Фадееву. Его Шолохов тогда считал одним из литературных друзей. Я обнаружил записку, адресованную «Саше», то есть Александру Фадееву, одному из руководителей этого РАППа. Шолохов обращает его внимание на ту часть главы, которую он не использовал в опубликованном тексте романа. В Москву автор привез ворох бумаг, черновиков, беловиков. Их держал в руках, изучил.

Я был уверен, что эти автографы — непереписанные чужие рукописи. Автографы Шолохова свидетельствуют: перед нами рукопись творца, а не плагиатора, компилятора.

Графологический анализ, проведенный в Институте судебных экспертиз, свидетельствует: рукопись принадлежит именно ему. В ней предстают десятки устойчивых признаков, свидетельствующих о творческом процессе, а не о переписывании или имитации сочинительства. Сохранился, во-первых, прав «Тихий Дон», первоначальный вариант 1925 года, не удавшийся автору. Этот документ мною опубликован.

Среди рукописей есть, как я их называю, «черные черновики», где виден значительный процесс рождения фраз, отдельных предложений, эпизодов. Есть всякого рода планы, указания по предстоящей работе, подсчеты написанного, разные уточнения, например Троицына дня в 1912 году. Нумерация страниц менялась трижды, что свидетельствует о перепланировке написанного. Среди рукописей первой части сохранились три авторских варианта! Воочию видишь по ним творческий процесс. Одних этих страниц достаточно для однозначного решения проблемы.

ПОЧЕМУ ЖЕ так долго тянется этот дым без огня? Недавно вот и Владимир Солоухин бросил «камешки» со своей ладони в огород Михаила Александровича.

Я бы мог назвать и другие имена, в частности академика Лихачева, также стоящего на особой позиции. Ничего бы этого

не случилось, если бы в далеком 1929 году, когда возникли первые сомнения, комиссия РАППа произвела бы научный анализ, опубликовала бы фотографии автографов, набросков, черновиков, беловиков, которые попали мне в руки, то на этой истории раз и навсегда был бы поставлен крест давно. Но так называемым друзьям, «неистовым ревнителям» пролетарской литературы, из-за каждого куста мерещился классовый враг. К литературной проблеме они подошли со своих позиций и вину за в общем-то обычные сомнения и слухи возложили на «врагов пролетарской диктатуры». О чем и сообщили в газете. Им не поверили.

Между тем, как выяснила еще тогда Евгения Григорьевна Левичкая, работник издательства «Московский рабочий» (ей Шолохов посвятил рассказ «Судьба человека»), одним из распространителей слухов был не какой-нибудь враг рабочих, а известный пролетарский писатель, бывший редактор Шолохова Феоктист Березовский, член партии с 1905 года. Ему по-

требовались десятилетия, чтобы овладеть формой романа, и он не мог представить, что какой-то Шолохов эту же науку постиг за несколько лет.

Такие политиканствующие друзья, как Фадеев, еще много-много раз навредят автору «Тихого Дона». И сегодня везде и всюду в любом литературном споре ищут политическую подоплеку, чьи-то происки, козни. В одну эпоху находили врагов пролетариата, в другую, более близкую нам, врагов мира и коммунизма. Сейчас — врагов демократии. Поэтому неопубликованную 24-ю главу первой части «Тихого Дона» (в ней описывается брачная ночь Григория Мелехова, рассказывается, как он изнасиловал станичницу) «Литературная газета» напечатать недавно не захотела.

В свое время споры о «Тихом Доне» прокатились по всей стране, дошли до слуха юного Саши Солженицына, жившего в Ростове, одной из литературных столиц России. Он, как и другие, не получил удовлетворительного ответа из письма шолоховских друзей в «Правду».

Спустя сорок с лишним лет Александр Солженицын возьмется сам за решение проблемы авторства «Тихого Дона» тем же методом, какой применил с успехом в «Архипелаге».

Это метод использования информации добровольных помощников-корреспондентов. Одним из них состоял бывший казак станицы Глазуновской, узник ГУЛАГа Павел Шкуратов, несостоявшийся литератор, умерший в интернате для престарелых в Химках. Он заявлял, что в молодости на Дону встречался с писателем Федором Крыковым, видел рукописи романа «Тихий Дон», который тот якобы писал, видел некий сундучок, где хранился этот роман, исчезнувший после похорон писателя во время «отступа» белой армии в начале 1920 года.

Я не смог встретиться со Шкуратовым. Он умер до того, как я начал поиск. Но его хорошо знали мои литературные консультанты — бывший казак станицы Глазуновской Проскурин, посвятивший жизнь изучению Крыкова, и литературовед Храбровицкий, он же один из корреспондентов Солженицына. Эти люди хорошо знали Шкуратова, вначале общались с ним, переписывались, а потом оба убедились в лживости этого человека. Как выяснилось, Шкуратов, склонный к литературе, пере-

ходил в своих заявлениях ту грань, где кончалась реальность и начинался вымысел.

От этого Шкуратова ниточка потянулась и окрутила многих литераторов. В научном решении «загадки «Тихого Дона» Александр Исаевич положился на авторитет литературоведа Ирины Медведевой-Томашевской, жены известного пушкиниста, специализировавшейся по русской литературе конца XVIII — начала XIX века. Она увлеклась историей Крыма, Таврии, издала сборник рассказов и очерков об этом полуострове. Кажется, при чем тут Шолохов, «Тихий Дон»?

Думаю, причина кроется опять-таки в политике. С одной стороны, как мы видели, затемнению истины поспособствовали в конце двадцатых годов коммунисты, идейные друзья Шолохова. С другой стороны, против него в середине шестидесятых годов стали выступать диссиденты. Причиной новых нападков послужило, с одной стороны, присуждение Шолохову Нобелевской премии по литературе. С другой — резкие выступления писателя против диссидентов, в частности Даниэля и Сияновского. В сознании демократической общественности не укладывалось такое противоречие. Автор великого гуманистического романа «Тихий Дон». Он же — оратор, сожалеющий с трибуны, что диссидентов «мягко» наказали, дали им только лагерный срок.

Так вот, Медведева вышла из этого противоречия, сочинив монографию, где развила абсурдную мысль, что в романе якобы просматриваются два литературных начала, по сути, два автора. Один — художник, другой — пропагандист. Один живописует, другой — излагает. Один — главный автор, другой — «соавтор», редактор, компилятор, короче — плагиатор, литературный вор, хотя этих слов в монографии нет.

На страницах книги Медведева этого автора-художника не называет, за нее это сделал издатель А. И. Солженицын, сообщивший в примечании, что из-за смерти литературоведа не успел закончить свою мысль, что автором романа был Федор Крыков. Он же сопроводил книжку своей биографической справкой на Крыкова, поместил букет фотографий этого писателя.

Поскольку ни одного реального факта, бесспорного доказательства в монографии все-таки нет, то издатель в конце книжки делает и другой вывод: «Хотя не могу абсолютно уверенно исключить, что — был, жил никогда публично не проявленный, оставшийся всем неизвестным, в гражданскую войну расцветший и вошедший за ней погребший еще один донской литературный гений...»

Спустя десять лет в одном из парижских журналов Солженицын на роль автора выдвинул бывшего атамана Петра Громославского, тестя Михаила Шолохова!

Кого угодно готов признать Александр Исаевич за автора, только не Шолохова. Работу Медведевой Александр Исаевич издал в 1974 году в Париже под псевдонимом Д. Недавно его раскрыл парижский издатель Н. Струве. У книжки под названием «Стреля «Тихого Дона» есть подзаголовок «Загадки романа».

Вслед за И. Медведевой написал книгу «Загадки творческой биографии Михаила Шолохова» известный Рой Медведев. Он издал ее в Париже на французском под названием «Куда течет «Тихий Дон»?», а в Кембридже на английском под названием «Загадки литературной биографии Шолохова». Главу из этой книги напечатал журнал «Вопросы литературы».

Этот знаток всех проблем, от Шолохова до Гдлына, стоит на точке зрения «двух авторов», причем отдает предпочтение все тому же Федору Крыкову... Кстати, когда я узнал, что Рой поручил «дело Гдлына», я сказал всем знакомым, что и эту проблему он запутает...

Унес ли Шолохов с собой в могилу загадку? Ведь действительно странно: молодой писал рассказ за рассказом, роман за романом, а потом вдруг взял и умолк, будто и не сочинил гениальный роман.

Но никакой «загадки» романа «Тихий Дон» в природе нет. Думаю, вскоре в этом каждый убедится, когда я издам написанную мною книгу.

Но есть реальная загадка романа «Они сражались за Родину», есть, как пишет Рой Медведев, «загадка литературной биографии Шолохова», но она не в плагиате, как думает он. Загадка — в другом. Почему писатель не смог завершить начатый в 1942 году большой роман о войне? Ему не хватило сорока лет, чтобы закончить начатое дело. Почему? Это действительно трагедия личности, проблема литературоведения.

Десятилетия Шолохов ничего не писал, получал Золотые Звезды, произносил речи, которым рукоплескала партия, явно спорные, а шолоховеды, его мнимые друзья, курили фимиам над его больной головой, называли в глаза великим, сочиняли хвалебные статьи, книги, пели осанну, вместо того, чтобы установить причину такого глубокого творческого кризиса.

Да, Шолохов, проделав сложную эволюцию, стал ретроградом, можно сказать, даже реакционером. Но, как выразился Иосиф Вродский (по адресу Достоевского, чьи взгляды также не считаются передовыми):

— Не за это мы его любим!

Шолохов Михаил

29.05.93.2.